

РЕЗОНАНС ОДЕРЖИМОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АДА МУН

18+

Ада Мун

Резонанс одержимости

«Автор»

2026

Мун А.

Резонанс одержимости / А. Мун — «Автор», 2026

Маньяки. Психопаты. Серийные убийцы. Для Мии Уильямс эти слова — не кошмар. Это желание. Она студентка-криминалист, фанатка тру-крайма и девушка, которая мастурбирует под подкасты о серийных убийцах. Учёба, подработка в кафе и ночные разборы досье — её обычная жизнь. Пока практика не сталкивает её с реальным делом Грешника. Он — хищник в тени. Социопат. Маньяк, убивающий одним идеальным ударом. Всех он пугает. Её — притягивает. Чем ближе Мия подходит к его тайне, тем сложнее понять, кто на самом деле охотится. Потому что однажды хищник замечает свою поклонницу. И с этой секунды одержимость становится взаимной.

© Мун А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. В ожидании	5
ГЛАВА 2. Следы судьбы	14
ГЛАВА 3. «Моя работа»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ада Мун

Резонанс одержимости

ГЛАВА 1. В ожидании

На экране ноутбука — лицо мужчины с пустыми глазами. Он улыбается. Камера медленно приближается к его рту, и я уже знаю, что сейчас последует. Цитата. Одна из тех, что заставляют мой пульс участиться на двенадцать-пятнадцать ударов в минуту.

«Я не убиваю людей. Я освобождаю их от необходимости притворяться».

Ричард Рамирес. Ночной охотник. Девять подтвержденных жертв, еще три — под вопросом. Я уже слышала этот подкаст четыре раза. На пятом я научилась замечать то, что упустили профилировщики ФБР: микровыражение в правом уголке его губ, когда он произносил слово «освобождаю». Это не раскаяние. Это — гордость. Он действительно верил, что делал одолжение.

Мой карандаш скользит по блокноту. Стрелкой указываю на висок. *«Саккада вправо — визуальная память. Он вспоминает не лица, а ощущения».*

Я почти заканчиваю пометку, когда дверь спальни распахивается, щелкает выключатель и свет ослепляет меня, словно светошумовая граната. Глаза, привыкшие к практически полной темноте комнаты, видят лишь темный силуэт вторженца.

— Мия Уильямс! Если ты скажешь, что это не то, о чем я думаю, то этот ноутбук закроется у тебя на голове!

Наконец, глаза адаптировались к освещению и я смогла осмотреть незваного гостя. В дверном проеме стоит Софи, и даже в семь тридцать утра она выглядит так, будто только что сошла с обложки журнала. Теплая оливковая кожа, густые темные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого уже выбились две непослушные пряди. На ней — моя любимая пижамная футболка с принтом «I run on caffeine and true crime.», которую она украла у меня еще в первом семестре и теперь считает своей по праву победы.

Я, на автомате, хочу сказать ту самую фразу, но останавливаюсь в последний момент. Но уже поздно. Мой взгляд и поджатые губы говорят ей все, что нужно.

— О нет. — Выдыхает она, и ее плечи опадают. — Опять?

— Это не «опять». — Возражаю я, закрывая блокнот. — Это «в третий раз за неделю». Совершенно другая динамика.

— Мия.

— Софи.

Она делает три шага через комнату. Ее босые ноги движутся бесшумно и грациозно — отработанный до автоматизма навык профессионального танцора. Ее рука ложится на крышку ноутбука.

— Рамирес. — Читает она, склонившись над экраном. — Боже, ты опять слушаешь про Ночного охотника? В прошлом месяце ты уже слушала про него двенадцать раз.

— Тринадцать. — Поправляю я. — И это не «про него». Это про паттерн его мышления. Про то, как он рационализировал...

— Мия. — Софи сурово захлопывает ноутбук. — Семь тридцать четыре. У нас через сорок минут первая пара, а ты еще даже не умывалась.

Я открываю рот, чтобы возразить. У меня действительно есть что сказать. Про саккады, про визуальную память, про восприятие, но Софи уже практически вышла в гостиную.

— Двадцать минут! — Бросает она через плечо. — Если через двадцать минут ты не будешь на кухне, я съем твой тост. И твой джем. И, клянусь, я найду способ съесть твою ванильную свечку.

Дверь закрывается.

Я сижу в тишине еще ровно четыре секунды. Мой мозг автоматически раскладывает ситуацию:

Софи в состоянии, которое она сама называет «режим старшей сестры». Уровень угрозы — семь из десяти. Сопротивление бесполезно. Тактика — немедленное подчинение с сохранением достоинства.

Я встаю. Ноутбук — в сумку. Блокнот туда же, но в специальный отдел. Наушники — в карман джинс. В ванной, из зеркала, на меня смотрит молодая девушка двадцати двух лет. Бледная кожа, на которой хорошо выделяются темные круги под фиолетовыми глазами. Небольшая родинка над левым уголком губы почти как у Мэрилин Монро. Правда, это единственное с ней сходство. Что подтверждают черные как смола, прямые волосы чуть ниже плеч. Я глубоко вздыхаю. Цепь индастриала в левом ухе колыхнется, поблескивая серебром на свету, цепляя взгляд и выводя меня из полусонного состояния.

Умываюсь холодной водой. Чищу зубы. Наношу тот самый ванильный спрей из масс-маркета. Семь долларов за флакон, запах держится ровно четыре часа, и этого мне достаточно.

«Запах не должен стоить как аренда квартиры» — говорила мне Дорис, моя последняя приемная мать, когда мне было двенадцать. Не знаю, жива ли она еще. Мы не общались с ней после того, как она вернула меня в детдом спустя три года совместной жизни.

Эта мысль короткая, острая, как осколок стекла, пронзает и тут же гаснет. Я не позволяю ей задержаться. У меня нет на это времени. У меня есть Рамирес, у меня есть первая пара, у меня есть практика, о которой я мечтала последние три месяца.

На кухне Софи уже стоит у плиты, переворачивая тосты. От нее пахнет персиками и пудрой. Этот запах я узнала бы из тысячи. Он несет в себе тепло и уют единственного человека в мире, который сел ко мне за стол в столовой со словами: «Ты выглядишь так, будто тебе нужен друг, а не лекция».

— Садись. — Говорит она, не оборачиваясь. — И не говори мне, что ты опять думала о том, как Рамирес выбирал жертв.

— Я думала о саккадах. — Отвечаю я, усаживаясь за маленький стол у окна. — Это другое.

— Не велика разница. — Она ставит передо мной тарелку. — Ешь.

Мы молчим минуты три. За окном серое чикагское утро начала сентября. Небо цвета грязной воды, ветер, срывающий последние летние листья с деревьев и разносящий по грязным улицам города. Я жую тост механически. Мой мозг уже переключился на следующую задачу. *Первая пара, криминалистика, профессор Арчер, презентация по серийным убийцам.*

— Кстати, вчерашний концерт прошел очень даже неплохо. — Говорит Софи, наконец нарушая тишину. — Знаешь, тот новый парень, что играл на скрипке? У него пальцы просто божественные. Я смотрела и думала: вот бы мне такую координацию в танце.

— Угу. — Киваю я в нужный момент.

— Ты вообще слышала, что я сказала?

— Скрипка. Пальцы. Координация. — Я отпиваю кофе. Дешевый, горький, из той самой пачки, что Софи покупает в супермаркете за восемь долларов. — Продолжай.

Софи тяжело вздыхает. Она знает: когда я в таком состоянии, что-то донести до меня практически невозможно. Мой мозг занят чем-то другим. Чем-то важным. Чем-то, что имеет отношение к практике, которая начнется через два дня.

— Ты волнуешься? — Говорит она вдруг, и я поднимаю глаза.

— Нет.

— Мия, ты крутишь серьгу уже пять минут.

Я останавливаюсь и смотрю на руку, что держит кольцо серьги между сгибом указательного и большим пальцами. Никак не могу избавиться от привычки это делать, когда волнуюсь.

— Я не волнуюсь. — Повторяю я. — Скорее готовлюсь.

— Это разные вещи?

— Для меня — да.

Софи изучает меня своими карими глазами, которые видят слишком много. Она — будущий психолог, и это проявляется в ней постоянно, даже за завтраком. В том, как она наклоняет голову, в том, как ее взгляд скользит по моему лицу, считывая микродвижения, в том, как ее брови слегка напрягаются, когда она находит то, что ищет.

— Ладно. — Сдается она наконец. — Но если ты начнешь разговаривать сама с собой на паре, я не буду тебя вытаскивать из аудитории. А просто оставлю тебе записку: *«Поздравляю, ты снова в своем мире. Не опоздай на работу.»*

Я улыбаюсь уголком губы. Криво, но искренне.

— Пойдем. — Говорит Софи, вставая и забирая мою тарелку. — Иначе мы опоздаем, а я не намерена объяснять профессору, что моя соседка по квартире была поглощена анализом саккад какого-то маньяка.

— Рамиреса. — Автоматически поправляю я.

— Да-да, его самого. Идем уже.

Университет встречает нас привычным гулом: голоса, шаги, запах кофе из автомата в холле. Мы идем по коридору, и Софи рассказывает — теперь уже по-настоящему — про вчерашний концерт. Она говорит красиво, с той интонацией, которая делает ее рассказы похожими на маленькие спектакли. Я слышу ее голос, но не слова, просто киваю в нужных местах.

Мой мозг занят другим.

Практика. Два дня. Профессор Арчер обещал приставить меня к детективу из участка. Настоящему. Тому, кто работает с реальными делами, а не с учебниками.

Уже вижу этот кабинет, заваленный папками. Фотографии мест преступлений. Досье. Я буду касаться их руками, буду читать, как другие читают романы.

— ...и потом он сказал, что я танцую, словно у меня внутри огонь. — Заканчивает Софи, и я вздрагиваю.

— Кто сказал?

— Тот парень. Со скрипкой. Ты опять не слушала?

— Слушала. Огонь внутри. Ты танцуешь.

— Мия...

— Софи?

Она останавливается перед дверью своей аудитории по психологии. Я иду дальше к лестнице на третий этаж, в криминалистику. Мы расходимся, не прощаясь. Какой в этом смысл, если все равно встретимся после пар?

— У холла! — Кричит она мне в спину. — И не забудь, что вечером ты работаешь!

Я поднимаю руку, не оборачиваясь.

Аудитория профессора Арчера — третья по коридору слева. Вхожу за две минуты до начала, выбираю место в третьем ряду, у окна. Это мое место. Я сижу здесь с первого семестра, и никто его у меня не отнимает. Никто не хочет связываться с такой одиночкой, как я. Слишком странная, слишком тихая, слишком явно одержимая чем-то, чего другие не понимают.

Я достаю наушники и включаю подкаст.

«...и вот что интересно: Рамирес никогда не выбирал жертв случайно. Каждая из них — это паттерн. Каждая — это проекция. Он видел в них кого-то. Кого-то, кто его предал, кого-то, кто его отверг. И он...»

Я слушаю вполуха. Мой взгляд скользит по аудитории: двенадцать студентов, большинство с ноутбуками, двое с блокнотами. Девушка в первом ряду точит карандаш. Парень на последнем — спит, положив голову на руки.

Дверь открывается. Входит профессор Арчер. Высокий, худой мужчина с седыми висками и тем самым взглядом, который, кажется, видит тебя насквозь. Он кладет на кафедру папку и поправляет очки.

— Доброе утро. — Говорит он, и аудитория лениво отзывается. — Сегодня у нас особая тема. Я знаю, что большинство из вас думают, что криминалистика — это как в сериале C.S.I., красивые лаборатории, крутые агенты и так далее. Но настоящая криминалистика — это не вся эта мишура. Это — люди. Это — то, что заставляет одного человека убить другого.

Он щелкает пультом. На экране появляется фотография.

Мое сердце пропускает удар.

Рамирес.

Тот самый Рамирес. Из моего подкаста. Из моих записей. Из моих ночных фантазий, в которых я — не я, а кто-то другой. Кто-то, кто понимает.

«...он кружил по улицам, как хищник, высматривая не конкретного человека, а уязвимость. Его привлекала не внешность жертвы, а момент ее абсолютного бессилия...»

Голос в наушниках продолжает говорить и говорить, а я смотрю на экран. На его лицо. На ту самую улыбку, которую видела в документалке множество раз. На микровыражение в правом уголке губ.

— Ричард Рамирес или Ночной охотник. — Говорит профессор Арчер. — Девять подтвержденных жертв. Один из самых изученных серийных убийц в истории американской криминалистики. И... Один из самых неправильно понятых.

Мои пальцы сжимаются на краю стола.

Я чувствую, как что-то поднимается внутри меня. Медленно. Тепло. Тягуче. Это — не страх. Это — не отвращение. Это — что-то другое. Что-то, что я научилась прятать практически от всех.

Возбуждение.

Чистое, острое, почти болезненное возбуждение.

Мой мозг — предатель — начинает анализировать: *зачем он это делает? Что он чувствует, когда смотрит на них? Как он выбирает — не жертв, а моменты? Как он решает, что именно сейчас — время?*

Я сглатываю. Мои бедра сжимаются под столом.

Нет. Не сейчас. Только не сейчас.

Но тело не слушается, предатель хуже, чем мозг.

Профессор Арчер продолжает говорить. Он показывает слайды. Фотографии мест преступлений. Я смотрю не на них, а на его лицо, на то, как он произносит имя Рамиреса, на ту почти незаметную увлеченность в его голосе. Он — такой же, как я. Он — одержим. Разница только в том, что его одержимость — академическая. Моя — нет.

«...и что особенно интересно, Рамирес никогда не оставлял случайных следов. Каждая деталь — это сообщение. Каждая рана — это подпись...»

Я слышу голос в наушниках. Я слышу голос профессора Арчера. Они сливаются воедино, и я тону в них, как в теплой воде.

Моя рука скользит под стол.

Нет. Только не здесь. Только не сейчас.

Но пальцы уже находят край трусов. Уже скользят под ткань. Уже...

Я вздрагиваю. Останавливаюсь.

Двенадцать человек в аудитории. Двенадцать пар глаз. Камера в углу. Я видела ее, когда входила. Красный огонек. Ведется запись.

Я выдыхаю. Медленно. Убираю руку. Сжимаю кулаки под столом.

Статистика. Факты. Цифры. Все, что угодно, только не это.

Девять жертв. Пять — женщины. Четыре — мужчины. Возраст — от двадцати двух до сорока одного. Все — в радиусе трех миль от его дома. Все — в период с девяносто шестого по девяносто восьмой.

Я повторяю эти цифры в голове, как мантру. Как молитву. Как заклинание, которое должно отогнать то, что поднимается внутри меня.

Не помогает.

Профессор Арчер говорит что-то про паттерны. Но я не слушаю. Мои бедра горят. Мое дыхание сбивается. Я чувствую, как влага пропитывает ткань трусов.

Боже. Боже. Боже.

Я не мастурбирую. Я не могу. Но мое тело, без моего разрешения, делает все остальное. Оно в состоянии, которое я узнала бы из тысячи. Соски — твердые. Дыхание — частое. Сердце — как барабан.

Я смотрю на часы. Осталось двенадцать минут.

Двенадцать минут. Ты можешь. Ты — Мия Уильямс. Ты — девочка, которая выжила в приюте. Ты справишься. Ты сможешь просидеть двенадцать минут, не кончая на паре.

Это самая странная мысль, которая приходила мне в голову за всю неделю.

Звонок.

Я не двигаюсь. Не могу. Мое тело словно чужое. Напряжено как струна, что вот вот лопнет, стоит только коснуться.

Аудитория начинает расходиться. Студенты встают, собирают вещи, разговаривают. Я сижу. Смотрю в одну точку. Пытаюсь дышать.

— Мисс Уильямс?

Я поднимаю глаза. Профессор Арчер стоит у моего ряда, склонив голову набок. Его очки поблескивают в свете ламп.

— Вы в порядке?

— Да... — Говорю я. Мой голос звучит чужим. Слишком высоким. Слишком быстрым. — Просто... задумалась.

Он смотрит на меня. Долго. Я чувствую, как его взгляд скользит по моему лицу, и он все видит. Видит мои расширенные зрачки. Мои искусанные губы. Мои щеки, которые горят.

— Вы волнуетесь? — Спрашивает он наконец.

— Что?

— Из-за практики. — Он садится на край стола. — Я говорил на прошлой неделе, что через два дня начнется практика. Вас приставят к настоящим детективам. И я вижу, что некоторые из вас... нервничают.

Я почти смеюсь. Почти.

Нервничаю. Да. Конечно. Именно поэтому я сижу здесь, с мокрыми трусами и сердцем, которое колотится с такой силой, что слышно в ушах. Именно поэтому.

— Да. — Говорю я вместо этого. — Немного.

Он понимающе кивает.

— Это нормально. Я понимаю, что для девушки, особенно такой молодой, сама мысль, что придется работать с настоящими делами, с настоящими убийцами... Может вызывать страх.

Я кусаю внутреннюю сторону щеки, чтобы не сказать то, что думаю: *это не страшно. Это — возбуждающе.*

— Но я обещаю вам, — продолжает он, — что я подберу вам лучшего наставника. Одного из лучших детективов в городе. Вы будете в надежных руках.

— Спасибо. — Отвечаю я. И это правда. Я благодарна ему. Не за то, что он сказал. А за то, что он дал мне выход. За то, что он позволил мне не объяснять, почему я сижу здесь, как сломанная кукла.

— Отдыхайте. — Говорит он, вставая. — И не волнуйтесь слишком сильно. Практика — это не так страшно, как кажется.

Он уходит, а я сижу еще минуту. Две. Три.

Мое тело — медленно, неохотно — возвращается ко мне. Дыхание выравнивается. Сердце перестает колотиться. Я встаю. Беру рюкзак. Иду к двери.

Ты — извращенка, Уильямс, — говорит мне голос в голове. *Ты — больная, извращенная сука, которая возбуждается от маньяков.*

Я не возражаю. Я привыкла к этому голосу. Он — часть меня. Как веснушки. Как родинка над губой. Как та татуировка бабочки на ключице, которую я сделала в восемнадцать, потому что мне нужно было сделать хоть что-то, что принадлежит только мне.

Софи ждет меня у выхода. Она сидит на подоконнике в холле, болтая ногами, и читает что-то в телефоне. Ее лицо меняется, когда замечает меня. Она сразу понимает, что что-то случилось.

— Эй, ты вся бледная. — Говорит она, спрыгивая. — Ты как?

— Нормально.

— Мия.

— Правда, нормально. Просто... устала.

Она внимательно изучает меня. Теми самыми глазами, которые видят слишком много.

— Ладно. — Сдается она наконец. — Пойдем. Провожу тебя до работы. Не хватало, чтобы ты в обморок рухнула.

Мы идем по коридору. Я молчу. Софи — тоже. Она знает: когда я такая, бесполезно давить. Нужно дать мне время.

Но, как только мы выходим на улицу, ее терпение не выдерживает.

— Так. Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Что случилось на паре. Ты выглядишь так, словно... не знаю, увидела призрака. Или... — Она останавливается. Смотрит на меня. — О боже. Ты возбудилась, думая о маньяках?

Я не отвечаю. Но мое молчание красноречивее ответа.

— Мия! — Она хватается меня за руку. — Серьезно? Прямо на паре?

— Тише. — Шиплю я, оглядываясь.

— Ушам своим не верю! Ты... — Она не заканчивает. Просто смотрит на меня с тем выражением, которое я знаю: смесь ужаса, любви и полного непонимания. — Рассказывай.

И я — к собственному удивлению — рассказываю. Как будто только и ждала, что кто-то спросит, что смогу кому-то рассказать.

И я рассказываю ей про подкаст. Про то, как профессор Арчер начал презентацию. Как это все неожиданно сложилось. Про то, как я почувствовала возбуждение. Про то, как —

— Стоп, стоп, стоп! — Софи поднимает руки в знак паузы, когда я дохожу до самого горячего момента. — О боже. Мия. Ты серьезно?

— Да.

— На паре?

— Я не... я не кончила. Просто...

— Святые колокольчики...

Мы идем молча еще минут пять. Софи не говорит ничего. Я жду — жду шутки, жду осуждения, жду всего. Но она молчит.

А потом начинает смеяться.

— Софи!

— Прости, прости! — Говорит она, вытирая глаза. — Я... Я не должна... Но это... Это просто... Мия, ты — невероятна!

— Ну спасибо...

— Нет, серьезно. — Она берет меня под руку. — А знаешь, я знаю, как решить твою проблему! Тебе нужен нормальный парень. И хороший секс. Чтобы унять... эту маниакальность между ног.

— Софи!

— Я серьезно! Ты не можешь всю жизнь возбуждаться от убийц. Это не нормально.

— Знаю...

— Тогда сделай что-нибудь. Найди парня. Трахни его как следует. И перестанешь думать о своих психопатах.

— Это не так работает. — Огрызаюсь я. — Нельзя просто... переключиться.

— А как по-другому, если не так?

Я не отвечаю. Потому что не знаю. Потому что если бы знала — уже бы это сделала. Наверное...

Мы доходим до «Black Cat» — небольшого кафе на углу, где я работаю баристой уже второй год. Тусклое освещение, спокойная музыка, запах жареных кофейных зерен и чего-то сладкого. Мое второе место обитания сразу после квартиры.

Мы заходим. Официант — Лео, мой напарник — поднимает руку в приветствии. Софи отвечает тем же. Я бегу в подсобку переодеваться.

В раздевалке только я. Маленькая комнатка с зеркалом во всю стену, крючками для одежды и запахом чужих духов, который никогда не выветривается.

Я снимаю свитер. Джинсы. Стою в белье перед зеркалом.

И вижу.

Видю — все.

Мои бедра все еще влажные. Трусы предательски мокрые в том месте, которое я не хочу называть. Мои соски все еще твердые, хотя с лекции прошло уже полчаса.

Боже.

Я стою перед зеркалом и смотрю на себя. На эту бледную, дикую девушку с индастриалом в ухе и татуировкой бабочки на ключице. Девушку, которая только что едва не кончила на паре по криминалистике, думая о серийном убийце.

Ты — больная, Уильямс.

Я быстро вытираюсь салфетками. Механически, уже на автомате, надеваю белую рубашку, черную юбку, фартук. Завязываю волосы в хвост. Наношу тот самый ванильный спрей — два пшика, не больше.

Выхожу.

Софи сидит за барной стойкой, прямо напротив кофемашины. Это ее любимое место. Она листает что-то в телефоне.

Я подхожу и начинаю готовить ее любимый раф. Ванильный, с пенкой и с корицей сверху. Она его очень любит, и мне это хорошо известно, так же хорошо, как то, что она никогда не ест оливки, и что она плачет, когда смотрит старые фильмы, и что она — единственный человек в мире, который знает про мою любовь к маньякам и психопатам.

— Ты помнишь, что у меня скоро выступление? — Спрашивает Софи, не отрывая взгляда от телефона, когда я ставлю перед ней чашку с кофе.

— Ага. В эту субботу.

— И ты обязана прийти.

— А у меня есть выбор?

— Конечно. — Она убирает телефон и с улыбкой добавляет. — Нет.

— О чем и речь.

Наигранно обреченно вздыхаю, что веселит подругу еще больше.

— И я тоже приду. — Говорит голос сбоку.

Мы почти одновременно поворачиваемся. Лео — мой напарник, высокий, с темными кудрями и улыбкой, которая, кажется, создана для того, чтобы смущать девушек. Он подмигивает мне, проходя мимо с поднос посуды.

— Если, конечно, меня пригласят. — Добавляет он, уже уходя на кухню.

Софи смотрит на меня. Многозначительно.

— Ну что? — Говорит она шепотом, наклонившись к стойке. — Вот и парень, и хороший секс. Два в одном, просто руку протяни.

— Займи свой рот кофе.

Я втыкаю один конец трубочки в напиток, а второй подруге в рот. Она делает пару глотков.

— Как вульгарно... — Продолжает Софи с еще более хитрой улыбкой. — Но почему? Отличный же вариант.

— Потому что он не мой типаж.

— А какой твой?

Я не отвечаю. Потому что не хочу отвечать. Потому что если скажу — *«высокий, темный, опасный, с шрамами и взглядом, от которого у меня подкашиваются ноги»* — Софи поймет, и поймет слишком хорошо.

— Мия. — Продолжает она. — Почему нет?

— Потому что он слишком нормальный, слишком обычный.

— Разве это плохо?

— Для меня — да.

Она смотрит на меня. Долго. Потом — вздыхает и отпивает раф из чашки, вытащив трубочку. Я беру пульт и включаю телевизор над барной стойкой — он всегда стоит на новостях, это правило заведения.

На экране — лицо диктора. Потом — картинка. Переулок. Лента полиции. Тело, накрытое простыней.

«...полиция Чикаго расследует очередное убийство в южной части города. Жертва — двадцативосьмилетняя эсеница, личность которой пока не раскрывается. По предварительным данным, главным подозреваемым в преступлении является серийный убийца, известный под псевдонимом «Грешник»...»

Мое сердце пропускает удар.

Грешник.

Я знаю это имя. Все его знают. Прозвище, которое дали в полиции серийному убийце. За пять лет это уже сорок восьмое убийство. Кто-то говорит, что работает на мафию. Но мне он кажется одиночкой. Призраком.

Его отличительная черта — одно ножевое ранение. Точное. Ровное. Идеальное. Он не совершает лишних движений.словно профессиональный киллер, знает, когда, как и куда надо нанести удар, чтобы выполнить заказ.

«...предположительно, это его девятая жертва за последний год. Полиция не раскрывает деталей, но источники сообщают, что причиной смерти стал один точный удар ножом...»

Я смотрю в экран. Не моргая. Не дыша.

«...Детективы отказываются от комментариев, однако достоверно известно, что Грешник по-прежнему на свободе...»

— Мия.

Я не слышу.

— Мия!

Я вздрагиваю. Оборачиваюсь.

Софи смотрит на меня. Тем самым взглядом. Многозначительным. Понимающим.

— Что? — Спрашиваю я.

— Это твой типаж? — Она кивает на экран. — Маньяки-убийцы?

Я чувствую, как краснею. Не от стыда — от чего-то другого. От того, что не хочу признавать и от того, что она понимает.

— Софи...

— Мия. — Она допивает раф и встает. — Ты смотришь на экран так, как смотрела на фотографию Рамиреса.

— Да не то чтобы...

— Ты можешь врать себе, но меня ты не обманешь.

Я молчу. Потому что она права. Потому что я — смотрела. Потому что имя *Грешиник* вызывает у меня то же самое. То же самое тепло, то же самое возбуждение, то же самое *любопытство*, что и Рамирес.

Боже. Я — безнадежна.

Софи стоит. Смотрит на меня. Потом — улыбается. Той самой улыбкой, которая означает, что она придумала что-то, о чем я не хочу знать.

— Ладно. — Говорит она, направляясь к выходу. — Я пошла. У меня репетиция.

— Хорошо. До вечера.

Она останавливается у двери, смотрит на меня через плечо и хитро улыбается, почти по-кошачьи.

— А еще я достану вам два билета.

— Окей. — На автомате выдаю я и только через пару секунд до меня доходит смысл ее слов. — Вам?!

Но от Софи и след простыл. Я стою за барной стойкой. Смотрю на закрытую дверь и через секунду осознания хлопаю ладонью по стойке.

— Вот сучка!

Лео, выходящий с кухни, удивленно приподнимает бровь.

— Все в порядке?

— Нет. — Огрызаюсь я и тут же отмахиваюсь. — Да неважно.

Он пожимает плечами и уходит в зал.

Я смотрю в экран. Там уже — другая новость. Про погоду. Про пробки. Про что-то неважное.

Но в моей голове — только одно имя.

Грешиник.

ГЛАВА 2. Следы судьбы

Досье Грешника. Девятая жертва за год. Двдцативосьмилетняя женщина, найдена в южной части Чикаго.

Я лежу на кровати, передо мной ноутбук с открытыми страницами сведений о Грешнике. Новости, статьи, разборы, разоблачение, даже полицейские отчеты. Места преступлений, жертвы, карта города.

Что-то не так.

В наушника подкаст. Я переключаюсь между вкладками. Читаю описания. Но мой мозг не понимает.

«...причиной смерти стал один точный удар ножом...».

Один... Но почему только один? Как можно незаметно подобраться к человеку и нанести точный удар? Все жертвы умерли от колото-резаной раны в шею. Снова переключаю вкладку на снимки ран жертв. Одно место. Одна рана. Края ровные. Словно жертва была совершенно неподвижной в момент удара. *Но как? Как такое может быть? Жертва не сопротивлялась?*

Мой палец скользит по тачпаду. Я открываю другую вкладку — полицейские отчеты. Четко сказано, что только одна рана. Нет упоминаний про отравление или наркотическое опьянение. Да даже обычное опьянение практически ни у кого не было.

Я не понимаю...

Почему-то не сходится... Что я упускаю?

Я не понимаю чего не хватает. Третью ночь не понимаю. Какой-то детали, улики, слова. *Слова... Слова?* Эта мысль острая, как лезвие. Я запрокидываю голову, откинувшись на подушку. Мозг начинает работать быстрее. *Он убеждает их? Но как можно быстро убедить хотеть смерти? Гипноз?*

Это озарение заставляет меня мгновенно открыть вкладку поисковика и...

Громкий звон будильника заставляет меня дернуться от неожиданности. Семь сорок пять.

Черт.

Я неохотно встаю. Ноутбук — в сумку. Блокнот туда же, но в специальный отдел. Наушники — в карман джинс. Выхожу в гостиную.

— Доброе утро. — Говорю, протирая глаза. — Завтрак уже готов? В ответ тишина. Гостиная пустая, на столе тарелка с парой сэндвичей, замотанных пищевой пленкой, а под ней записка.

«Убежала на репетицию. Удачи на практике! P.S. Не забудь позавтракать». Точно, они же репетируют целыми днями перед субботним выступлением... Второй день практически не вижу с Софи, от этого стало немного непривычно и одиноко. Я смотрю на записку, потом на экран телефона. Сегодня четверг — день распределения на практику. День, которого я ждала три месяца. День, когда профессор Арчер приставит меня к настоящему детективу. Эти мысли сразу приободрили. Сняв пленку, я сделала первый укус и закатила глаза от удовольствия. *Все же ей стоило пойти на повара, а не на психолога...* Закончив с завтраком, я отправилась в ванную. Сегодня важный день, а значит надо выглядеть максимально опрятно. Консилером прячу мешки под глазами, правда, это не особо помогает. Чтобы подчеркнуть бледность кожи, использую темно-фиолетовую помаду. Объемная тушь для увеличения объема ресниц.

Статистика показывает, что опрятный внешний вид улучшает первое впечатление на двадцать три процента.

Закончив приготовления, беру сумку с ноутбуком, надеваю наушники и выхожу из дома.

Достаю телефон, чтобы включить музыку. Восемь десять.

Вот дерьмо! Я срываюсь с места под Atwood - Evil.

Запахавшись, вбегаю в холл. На второй этаж, к аудитории. На часах — восемь тридцать два. Пара началась больше получаса назад.

Отлично. Просто отлично. Первый день практики, и я опаздываю. Статистика показывает, что если ты опаздываешь на первое занятие, шансы на хорошее впечатление падают на семьдесят три процента.

Я останавливаюсь у двери и аккуратно ее приоткрываю.

Внутри только двое.

Профессор Арчер стоит у кафедры и что-то обсуждает с каким-то мужчиной. Незнакомец высокий, в дорогом сером костюме, с густыми темными волосами, зачесанными назад.

Я выдыхаю и стучу в дверь.

— Простите за опоздание. — Говорю я виновато, проходя в аудиторию.

— Мисс Уильямс. — Вздыхает профессор Арчер. — Вы опоздали на тридцать минут.

Я открываю рот, чтобы снова извиниться, но мужчина рядом с Арчером делает шаг мне навстречу.

— Да ладно вам, профессор. — Голос незнакомца низкий, теплый, обволакивающий, с легкой хрипотцой, словно хороший дорогой коньяк. — Мы же не копы, можем и опоздать.

Арчер хмыкает и хлопает его по плечу.

— Давай-ка не учи мне тут студентов разгильдяйству. — Говорит Арчер и потом обращается уже ко мне. — А вам, мисс, стоит более ответственно подходить к учебе.

— Да, простите. — Извиняюсь я, опустив глаза. — Что ж. — Голос профессора смягчается. — Позвольте представить, это — детектив Нэйтен Кол, как и обещал, он один из лучших детективов в городе. Ближайший месяц он будет вашим куратором.

— Детектив Нэйтен. — Представляется он и протягивает руку, ни капли не смущаясь столь лестному представлению.

Я пожимаю ее. Его ладонь — теплая. Сухая. С легкими огрубениями на подушечках пальцев.

Нэйтен высокий. Примерно шесть и два фута. На вид около тридцати пяти лет. Морщины у глаз, скорее всего от недосыпа. Легкая щетина, не неряшливая, а скорее, добавляющая шарма. Темно-серый костюм-тройка. Расстегнутый пиджак подчеркивает широкие плечи и грудь. Под жилеткой майка или футболка с круглым вырезом, открывающая ключицы. На левой руке из-под рукава виднеются золотистые часы с черным циферблатом.

Он пахнет чем-то сладковато-манящим. Сандал. Виски. И что-то еще. Что-то, что я не могу идентифицировать.

— Мия Уильямс. — Отвечаю я.

— Мия. — Улыбается он. Однако в его глазах я не вижу ни капли этой самой улыбки и тем более интереса. — Рад знакомству.

— Отлично, тогда не смею вас более задерживать. — Говорит Арчер, отмечая что-то в журнале.

— Что ж, тогда всего доброго, профессор. — Кивает Нэйтен, и они пожимают руки. Я прощаюсь с Арчером и следую за детективом из аудитории.

Не похож он на детектива... Мы идем в тишине по коридору, и я периодически поглядываю на Нэйтена. В голове не укладывается, что он так хорош. Слишком опрятен. Слишком непринужден. Слишком дорог. В голове это не стыкуется.

— Вы что-то хотели спросить? — Произносит он, даже не поворачиваясь в мою сторону.

Я смотрю в сторону его глаз, не понимая, как он заметил это лишь боковым зрением. *Интересно...* Пожалуй нет смысла скрывать.

— Ваш внешний вид. — Говорю я.

Он поднимает бровь и наконец смотрит на меня.

— С ним что-то не так?

— Честно говоря, Вы не похожи на детектива.

Выдох. Край губы приподнимается в пренебрежительной усмешке, словно он слышал эту фразу бесчисленное количество раз.

— А на кого я похож?

— На бизнесмена. Или предпринимателя. Или... не знаю. На кого-то, кто не работает в полиции.

— Тогда как же, по-вашему, должен выглядеть настоящий детектив?

Я пожимаю плечами. Никогда не задавалась этим вопросом. Различные фильмы и сериалы уже создали образ «настоящего детектива» в массах.

— Не знаю... Дешевый костюм, мятая рубашка со следами кофе, морщины от недосыпа. Он снова смеется. Сухо. Без смеха.

— Прямо как в нуарном фильме?

Я отвожу взгляд, понимая, насколько это предвзятое представление.

— Мия... — Произнося мое имя, он на секунду поднимает взгляд. — Давай на “ты”.

Я киваю. Мы подходим к выходу. Он открывает передо мной дверь, пропуская вперед. И направляется к парковке.

— Видишь ли, фильм и реальность могут сильно отличаться. — Нэйтен подходит к большому темно-серебристому внедорожнику Mercedes, больше напоминающему бронированный джип SWAT'a.

— А выбор машины вполне в духе сериалов. — Хмыкаю я, садясь на переднее сиденье, галантно открытой двери.

Он закрывает за мной дверь и обходит машину. Мягкие кожаные сиденья. Дорогой салон в стиле максимализма и футуризма. Запах кожи, одеколона с сандалом и того незнакомого запаха.

Нэйтен садится на место водителя и включает музыку. На панели высвечивается “Poker Face” и сразу узнаю Леди Гагу. Я смотрю на детектива, приподняв одну бровь, задавая немой вопрос.

Серьезно?

— Жизнь полна сюрпризов. — Ухмыляется он, но на сей раз в его глазах появляется огонек. Мы выезжаем с парковки, но я совершенно не чувствую, что мы едем. Слишком плавно, слишком мягко, слишком комфортно.

— Сколько стоит эта машина?

— Достаточно, чтобы считать меня бизнесменом или как ты еще там меня назвала.

Я хмыкаю. Не потому что разочарована ответом, а потому что он оказался забавным и неожиданным.

Мы едем по Чикаго. За окном проносятся серые полупустые улицы. Железнодорожные пути над головой. Небольшие аллеи, со слегка пожелтевшими деревьями, уже начавшими подготовку к поздней осени. Редкие прохожие, идущие по своим важным и не очень делам.

— Откуда у вас столько денег? — Спрашиваю я.

Он не отвечает сразу. Я вижу, как его длинные пальцы плавно скользят по рулю.

— Нужно уметь правильно работать. — Наконец говорит он. — И тогда деньгами обделен не будешь.

Интересная фраза. Он не выделил “правильно” интонацией, поэтому непонятно, сарказм это или нет. Можно как угодно интерпретировать.

Не получив какого-либо конкретного ответа, я решаю сменить тему. — А над какими делами вы сейчас работаете?

— Разными. — Отвечает он, слегка задумавшись. *Саккада вверх-вправо. Вспоминает.* — В основном связанные с мафией. — Он на секунду замолкает и устало выдыхает. — Ну и со специфичными маньяками. Например с Грешником.

Грешник.

Меня словно током ударило. Внутри все напряглось. Словно стою на краю высоченного обрыва.

Возбуждение. Опять. Опять это желание, это любопытство...

Но снаружи я не подаю виду. Я спокойна. Я просто студентка, которая интересуется делами своего куратора.

— Тот самый, о котором пишут в новостях?

— Ага. — Кивает Нэйтэн. — Моя личная головная боль. Он словно призрак, появляется в случайном месте и исчезает в никуда.

Призрак.

Это слово заставляет мои бедра непроизвольно сжаться.

— И долго вы его ищите?

— Пять лет. — Он сжимает руль. Его голос становится более глубоким, более жестким, более... Темным?

От этого я чувствую, как чуть ниже живота начинает зарождаться водоворот. Он скручивает, тянет меня опустить руку ниже...

Черт, черт, черт!

— И с Портным то же самое. — Добавляет Нэйтэн. — Гребанный психопат.

Мое сердце останавливается.

Портной.

Это имя, словно ведро холодной воды, выбило меня из равновесия.

— Портной? Серийный убийца? — Переспрашиваю я, и мой голос предательски дрожит. Нэйтэн это замечает и бросает на меня быстрый взгляд.

— Он самый. — Кивает детектив. — Работает уже больше тридцати лет. Даже его дело перешло ко мне “по наследству”. Безумный тип. Зашивает раны своим жертвам.

Зашивает раны.

В голове всплывают картины жертв, что я смотрела еще в детстве. И на которых, в последний раз, видела своих биологических родителей. Теперь даже воспоминания о них вызывают рвотный рефлекс.

— С тобой все нормально? — спрашивает Нэйтэн, переводя взгляд с дороги на меня и обратно. — Ты вся побледнела.

Мы подъезжаем к участку. Нэйтэн паркует машину и открывает мне дверь.

Я на ватных ногах буквально вываливаюсь, стараясь глубоко дышать.

— Укачало, что ли? — Он аккуратно придерживает меня, вытаскивая воду из бардачка и протягивая мне. — Спасибо. — Я пью. Жадно, словно это последнее, что могу сделать в жизни. Вода переливается из-за рта, стекает по шее и пропадает под черной худи, остужая тело. Детектив внимательно наблюдает за мной. Когда я немного прихожу в себя, он произносит.

— Полегчало? — Я киваю в ответ. — Пойдем в кабинет.

Мы идем по коридору. Шум голосов. Запах кофе. Звон телефонов. Мы доходим до его кабинета. Он открывает дверь. Впускает меня вперед и показывает на небольшой диванчик у стены. Кабинет довольно большой. По центру, напротив двери стоит большой массивный стол из темного дерева, на котором, полукругом, расположились три монитора, а за ним черное кожаное кресло. Слева от него полки с аккуратно расставленными папками. Справа небольшой холодильник, мини-бар, на котором кофемашина с сервизом. А также кофейный столик и диван, на который я упала почти сразу.

— Уильямс, правильно же? — Переспрашивает Нэйтэн, доставая какую-то папку и листая ее. — Нашел. Дело двадцатилетней давности. Получается, ты та самая?

Я лишь киваю в ответ.

— Соболезную. — Говорит он. Его голос звучит искреннее. Сожалеюще. И немного... Зло?

— Все в порядке. — Мое состояние уже почти пришло в норму. — Просто пугающие воспоминания.

Он понимающе кивает и ставит папку на место. Третий шкаф от двери, четвертая полка, вторая папка справа. *Запомнить.*

— Будешь что-нибудь? — спрашивает Нэйтен, подходя к мини-бару и доставая два стакана под виски.

— Кофе, пожалуйста.

Он пожимает плечами и убирает один и достает бутылку WhistlePig. Ставит чашку под кофемашину.

— Какой предпочитаешь? — Капучино. — Коротко отвечаю я. Раздается звук кофемашины и журчание виски, наливаемого в стакан. Кабинет быстро наполняется запахами, которые перемешиваются, но все равно хорошо улавливаются. Проходит пара минут и передо мной стоит чашка с горячим напитком, пахнущим, как вся моя стипендия. Нэйтен сел в кресло и выдвинулся так, чтобы было хорошо друг друга видно. — Почему ты решила пойти в криминалистику? — спрашивает он, делая небольшой глоток золотистого напитка.

— Потому что это интересно. — Отвечаю я. — Работать с ФБР в качестве профилировщика. А им много платят.

Ложь. Я хочу знать. Хочу понимать. Хочу чувствовать. Он слегка откинулся на кресле, плечи расслабились, осанка перестала выглядеть идеально, как струна.

— Амбициозно. — Он улыбается. Тепло, словно получил ответ, который хотел.

— А ты думал, что ради мести?

— С чего такие выводы? — Он не подал виду, но даже отсюда я заметила, как расширились зрачки его голубых глаз.

— После моего ответа твоя осанка стала расслабленной, голос мягче. — Непринужденно пожимаю плечами. — Ты услышал то, что тебя расслабило.

— Ого! А ты наблюдательная. С такими навыками, тебя точно ждет успех. — В его глазах, смотрящих на меня, наконец, появился интерес. — Ты права. Я думал, что ответ будет именно таким, как ты предположила. — Месть меня не интересует, это слишком скучно и банально. — Отвожу голову, словно от надоевшего блюда, которое ем сотый день подряд. — Да и что она ничего не даст. — Это верно. — Он делает глубокий глоток и улыбается. — Ты мне нравишься.

Вечер.

Мы сидим в кабинете детектива, общаясь обо всем и ни о чем, уже четвертый час. Он рассказывал о своей учебе, о том, как тоже учился у Арчера и как постоянно выводил его из себя. Что профессор был уверен в том, что Нэйтен никогда не станет детективом, поставив на это бутылку дорогого коньяка. И как они пили в баре, когда Арчер проспорил.

Я рассказывала про увлечение тру-краймом, про учебу, про подработку и даже про жизнь с Софи. Возможно, так продолжалось бы до конца рабочего дня, но нас прервал звонок Нэйтену.

— Детектив Кол. — Отвечает он в мобильный. Спустя несколько секунд его взгляд меняется с веселого на серьезный. — Адрес? Буду через двадцать минут.

Нэйтен встает.

— Вспомнишь солнце — вот и лучик... — Он замечает мой вопросительный взгляд. — Портной. Тебе лучше поехать домой.

— Я с тобой. — Твердо говорю я.

Нэйтен внимательно смотрит на меня.

— Уверена?

— Да. — Киваю я. — Уверена.

Он колеблется. Смотрит. Изучает. И в итоге, выдыхая кивает.

— Хорошо, поехали.

Западная часть задворков Чикаго. Переулок. Тусклый свет фонарей. Лента полиции. Тело, накрытое простыней.

Нэйтен выходит из машины и открывает мне дверь.

— Будь аккуратна, от меня ни на шаг. — Предупреждает он голосом, не терпящим возражений. — Это не учебник.

— Поняла. — Отвечаю я.

Мы подходим к телу. Детектив откидывает простыню.

Молодой мужчина, на вид лет двадцати — двадцати одного. На его груди горизонтальная рана. Толстая черная нить стежками проходит от края до края ровными линиями, полностью закрывая основную часть. Виднеются только тонкие линии начала и конца разреза. Ровные. Аккуратные. Тонкие. На животе, руках и груди большие яркие темно-фиолетовые синяки.

Портной.

Я верчу головой, отгоняя навязчивые воспоминания снимков. Перевожу взгляд на отметки следов.

Следы жертвы. Слишком длинные для шага. Он бежал из переулка.

Следы Портного отмечены прямо перед телом. Большие. Аккуратные. Спокойные. Он шел прямо навстречу. Словно жертва наткнулся на него случайно.

Я открываю карту на телефоне. Если мужчина убегал от Портного, то тот никак не мог его обогнать. Расположение улиц не позволяет.

Надо проверить.

Нэйтен что-то обсуждает с офицером полиции. Я выхожу за место преступления, вглубь переулка. Следы указывают направление. И вот, примерно в тридцати метрах от тела следы. Кто-то стоял на месте, но это не жертва и не Портной.

Был кто-то еще. Преследователь, от которого убегал мужчина.

Я достаю телефон и фотографирую следы.

— Что-то нашла? — Спрашивает, подошедший сзади Нэйтен.

Я поднимаю глаза и смотрю на него.

— Следы. — Отвечаю я. — Тут был кто-то еще.

Он садится на корточки и внимательно изучает след.

— Черт... — Поднимается он и кричит в сторону полицейских. — Тут еще следы! Оцепите и это место!

Нэйтен переводит взгляд на меня, похлопывает по плечу.

— Хорошая работа. Ты молодец. — С этими словами он уходит в сторону тела.

Я остаюсь сидеть на том же месте.

Был кто-то еще... Портной работает не один? Соучастник? Передает свое наследие приемнику?

Внутри все горит. Загадка. Интерес. Возбуждение.

Хочу узнать...

ГЛАВА 3. «Моя работа»

Хруст его ребер и глухой стон из зажатого рта. Звуки боли и тяжелых ударов о плоть звучали так приятно, так расслабляюще. Я бил тяжело, методично, с безупречной точностью. Но только не по лицу. Лицо мужчины оставалось нетронутым. Это было правилом. Эмоции боли не должны портиться ранами и опухольями.

Каждый его сдавленный хрип, каждая судорога вызывали в моей крови сладкий, густой прилив адреналина. Я кайфовал от этого. От ощущения чужой боли, от его страха и отчаяния. Еще один удар. Его глаза закатываются, руки, пытавшиеся бороться с моей хваткой, обвисают. Он теряет сознание. По всему моему телу проходит волна эйфории. Я отпускаю его обмякшее, сползающее по стене тело. Смотрю на темно-серое вечернее небо Чикаго. *Нет... Этого не достаточно. Почему этого никогда недостаточно?* Мое сердце бьется с бешеной силой, стуча в ушах, застилая все остальные звуки. Я прислушиваюсь. Пытаюсь понять, чего не хватает для полной эйфории. Но не знаю ответа. *Черт...*

Я тяжело выдыхаю и тянусь за ножом. Пора заканчивать. Опускаю свой взгляд и не вижу своей цели. *Чего?* Осознание пришло не сразу. Пару секунд я просто не верил своим глазам. Понимание ситуации ударило в мозг резко, болезненно, словно ток. Я быстро огляделся. Моя цель, спотыкаясь от боли, забежала за угол дома.

Мои губы растянулись в улыбке. Он не уйдет от меня, не в таком состоянии. Но это доставит мне дополнительное удовольствие. *Беги, беги. Даже дам тебе фору.* Неспешным шагом я направился за ним, доставая телефон из кармана и открывая карту района для оценки предполагаемого маршрута. Эта цель изучена мной вдоль и поперек. Три месяца слежки, изучение привычек, вкусов, интересов и мест посещений дают свои плоды. *Где-то тут он выдохнется.*

Я точно это знаю. Первым делом я всегда вдавливаю солнечное плетение жертв им же в позвоночник. Чтобы не кричали, не убежали, не смогли дать отпор. Прокладываю маршрут до точки. *Доставь мне еще немного удовольствия.* Не проходит и пяти минут, как я поворачиваю за угол к конечной точке маршрута. Цель должна быть уже без сил. Улыбка не сходит с моих губ, я в предвкушении второго раунда. Однако моим ожиданиям не суждено было сбыться. Подняв глаза, я вижу, что цель уже лежит. На его груди красуется длинная кровавая полоса. Шок, разочарование и недоверие. Это именно те эмоции, что бурей пронесли у меня в голове.

Над телом стоял незнакомец в длинном темном пальто, чуть ниже колен, а широкая шляпа в стиле федора скрывала его лицо в густой тени. Незнакомец методично вытирал лезвие скальпеля о белоснежный платок. Заметив меня он замер и слегка наклонил голову вбок. Я делаю еще пару шагов вперед. Меня интересует лишь цель. Пары шагов достаточно, чтобы увидеть растекающуюся лужу крови под телом. *Он точно мертв.* Незнакомец внимательно следит за мной и как только я собираюсь уйти, он медленно приподнимает шляпу в вежливом, почти театральном прощании. Затем, не говоря ни слова, достал из внутреннего кармана аккумуляторный швейный набор с серебряной иглой и черными нитями.

Мне уже не интересно. Цель мертва, а эйфория прошла. Я развернулся и ушел, растворяясь в тенях. *Надо отчитаться заказчику.*

Рев моего спортивного байка разрезал холодный воздух раннего утра. Я сливался с машиной в единый механизм, позволяя ветру хлестать обжигать мне лицо. Работы, в последнее время, прибавилось. А все из-за войны между мафиозными семьями. Я выкрутил ручку газа до упора. Пусть льют кровь. Чем больше хаоса, тем больше у меня заказов.

Встреча была назначена на утро в лесополосе у пустыря за городом. Заказчик, человек из верхушки одной из семей. Я никогда его не видел. Впрочем, как и любого другого заказчика. Они всегда общаются через своих шестерок.

Посредник, грузный мужчина, курил сигарету, оперевшись о капот старенькой невзрачной Toyota. Он дождался, пока я заглушу мотор, выкинул недокуренную сигарету и подошел, протягивая конверт.

— Здесь ровно половина. — Буднично произносит он. — Цель устранил не ты, но мы ценим твои услуги.

Моя челюсть напряглась. Я молча забираю конверт, убирая в специальный отдел куртки. Профессионализм прежде всего. Даже половины от суммы мне хватит на несколько месяцев. *Просто не повезло. И все равно неприятно.*

— Как дела с другим заказом? — Ровным тоном спрашивает мужчина, словно мы говорим о чем-то повседневном.

— Скоро. Неделя, максимум две. — Так же обыденно отвечаю я.

— Отлично, ждем хороших вестей.

Он кивает и направляется к своей машине. Мы разъезжаемся в разных направлениях.

Я заглушил мотор за два квартала от района, где обитала следующая цель. Сидя на своем Kawasaki, я лениво листал ее соцсети. Два месяца слежки и она стала для меня открытой книгой. *Люди — паразитические существа. Они сами выкладывают все нужное на обозрение, даже не подозревая, что за ними могут следить. Достаточно проанализировать страничку Instagram или Facebook и большая часть нужной информации уже в кармане, а дальше дело техники. Чужая глупость — лучший инструмент слежки.*

В последнем посте она говорит, что собирается в клуб с подругами в эту субботу. Я усмехнулся уголком рта. *Похоже и сегодня вечером придется поработать.* Я знаю, что она наркоманка и всегда употребляет на таких тусовках. Последний раз цель выходила на связь с дилером две недели назад. Наркоманы нуждаются в стабильной “подзарядке”. Значит, завтра она снова будет на точке. Я следил достаточно долго, чтобы знать расписание и место встречи.

Я свернул в переулок и поднялся в одну из множества съемных квартир, которые держал по всему городу. Они необходимы, чтобы всегда оказываться в нужном месте, в нужное время.

На столе лежал небольшой, обоюдоострый клинок, созданный для скрытого ношения. Я достал его из ножен и провел по лезвию точильным камнем. Extrema Ratio Pugio идеально мне подходил: такой же прямой, холодный, лишенный эмоций и безжалостный. Убедившись в бритвенной остроте, я убрал его обратно.

Зайдя в ванную, я включил воду и, сняв одежду, остановился перед зеркалом. Из него на меня смотрел мужчина двадцати четырех лет и чуть больше шести футов роста. Широкие, но не слишком плечи, прямая осанка. Сухие, рельефные мышцы, выпирающие вены. Чуть шире обычного телосложения, но не как перекаченный амбал, скорее жилистый спортсмен. Но я смотрел не на тело, а на кожу, покрытую шрамами. Они покрывали шею, пересекали грудь, узорно расходились по животу и ребрам. Больше всего их было на руках — резаные, рваные, колотые. У каждого шрама была своя история, свой крик, своя цена. Я не испытывал к своему отражению жалости. Только холодное принятие.

Струи холодной воды ударили по коже, заставляя мышцы невольно сократиться. Я провел ладонью от шеи к животу, чувствуя, как вода стекает по шрамам, омывая мое оружие. Словно очищая историю от слоев пыли.

Выйдя, не вытираясь, я подошел к телевизору и включил его. Капли воды замерцали на теле, отражая свет экрана.

В ящике диктор с серьезным лицом показывал кадры с места вчерашнего преступления. *«...найдена новая жертва Портного...»*

Я замер. Тот человек со скальпелем в переулке.

Так это был тот самый Портной?

Я не почувствовал ни злости, ни гнева, ни обиды за украденную добычу. Скорее легкое удивление, что встретился с легендарным маньяком.

Вечер опустился на город темным маревом. Я стоял в тени переулочка, напротив старого заброшенного дома. На мне было все черное. Мешковатая тактическая одежда слегка скрывала мое телосложение, но при этом была достаточно обтягивающая, чтобы я хорошо чувствовал ее. Нож был спрятан горизонтально на поясе за спиной — идеальное положение для мгновенного обратного хвата.

Моя цель появилась немного раньше срока. Белое худи с надвинутым капюшоном резко контрастировало с грязью этого района. Девушка юркнула в подъезд заброшенного дома. Я натянул на лицо черную маску-бафф и бесшумно последовал за ней.

Третий этаж. Единственная комната, где сохранилась дверь.

Я поднялся по старым пыльным ступеням и замер. Из-за двери донесся сдавленный, полный ужаса крик. В моей голове пронеслась лишь одна мысль. *Нельзя упустить цель.*

И влетел в квартиру, выбив дверь плечом.

В тусклом свете уличного фонаря я увидел Портного. Мужчина в длинном пальто держал девушку за горло, прижав к стене, а скальпель уже прорезал тонкую линию на ее щеке до скулы.

Спустя мгновение в моей руке оказывается нож и я бросаюсь в атаку. Портной обернулся, его движения были пугающе плавными. Он разжал руку, и девушка, хватая ртом воздух, рухнула на пол, а сам маньяк легко отступил на шаг, принимая боевую стойку.

Завязался бой. Но это была не драка, а смертельный танец.

Я наносил удары — быстрые, точные, смертоносные. Но Портной уклонялся. Буквально на пару миллиметров. Лезвие моего ножа рассекало воздух там, где секунду назад была его шея или артерия. Противник, предугадывая каждое следующее движение, словно читал мои мысли.

Я быстро понял, что если бой затянется, то окажусь в невыгодном положении. Портной тратил минимум энергии на уклонения и редкие, но смертельно опасные удары. Мне же приходилось уворачиваться более широкими движениями.

Нужно было сломать ритм. Я пнул тяжелый обломок мебели, заставляя Портного отступить. Швырнул кусок гнилого гипсокартона, который легко был отбит рукой. Мусор, пыль, обломки — я использовал все, чтобы создать преимущество.

Портной ловко уворачивался и отбивался от летящих обломков, но в его движениях стало читаться легкое неодобрение.

— Грубо. — Произнес он. Голос был спокойным, почти интеллигентным. — До этого Вы сражались куда более элегантно.

Я не ответил, продолжая насаждать, пытаюсь загнать его в угол, используя каждый дюйм комнаты. И вот, момент. Я бросил ему в лицо тяжелую книгу, перекрыв обзор, и сразу нанес колющий удар в шею.

Но Портной был быстрее. Его скальпель встретился с лезвием Pugio, парируя выпад с ювелирной точностью.

— Кажется, наша птичка улетела. — Тихо сказал Портной, кивая в сторону стены, где была девушка.

Я краем глаза увидел, что в комнате нет никого кроме нас. Цель ушла. Тратить время и силы на бой с неочевидным исходом было глупо. Я отступил на шаг, опуская нож.

Портной слегка наклонил голову, делая небольшой, почти издевательский поклон.

— Благодарю за интересный бой.

Я молча развернулся и вышел за дверной проем.

Спустившись на улицу, я заметил на асфальте темные капли крови. Я пошел по следу. Через десять минут они привели меня к незнакомому жилому дому.

Если ей помогли, здесь скоро будет полиция. Действовать нужно быстро.

Я вбежал в подъезд. Следы капель вели вверх. Четвертый этаж. Квартира четыре С. Я вышел на улицу, обогнул здание и поднялся по ржавой пожарной лестнице.

Подкравшись к окну гостиной по пристройке, я заглянул внутрь. В комнате были три девушки. Моя цель сидела за столом, подрагивая от плача. Рядом с ней сидела девушка с волнистыми оливковыми волосами, прижимающая полотенце к окровавленной щеке цели. Еще одна, с черными прямыми, нервно расхаживая по комнате, эмоционально говоря что-то в мобильник.

Я достал нож и начал ювелирно, без единого звука вскрывать старый оконный замок.

“Черная” с раздражением швырнула телефон на диван и что-то резко спросила у “оливковой”. Та отрицательно мотнула головой. Повисла задумчивая напряженная пауза. Затем “Оливковая” что-то произнесла, отчего глаза “Черной” расширились. Та вскочила и побежала в ванную. “Оливковая” повернулась к раненой девушке, прижала ее руку к полотенцу и, сказав ей что-то ободряющее, убежала в соседнюю комнату.

В гостиной цель осталась одна.

Я мгновенно воспользовался моментом. Я быстро открыл окно и, одним мощным рывком, сократил дистанцию за долю секунды. Цель успела меня заметить и вскрикнуть. В следующее мгновение мой нож вонзился ей в шею. Крик потонул в булькающем звуке, а изо рта потекла темная кровь.

Я рывком выдернул нож. Кровь брызнула на стол. Даже не посмотрев на падающее тело. Развернувшись, нырнул в окно, краем глаза заметив выбежавшую из ванной “черную”. В следующее мгновение я уже стремительно спускаюсь вниз по пожарной лестнице и растворяюсь в ночном Чикаго.

В голове крутилась лишь одна мысль, окрашенная темным, садистским разочарованием. Как жаль... *Пришлось убить ее быстро и без мучений...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.